

18+

Валерий Радомский

**Божественный
танец
«Эсмеральды»**

Валерий Радомский

**Божественный
танец «Эсмеральды»**

«Издательские решения»

Радомский В.

Божественный танец «Эсмеральды» / В. Радомский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-652209-1

...Психологическая проза («...Книги, которые заставляют сопереживать. А во вторую — думать, переносить ситуации на свою жизнь, сравнивать и рефлексировать»). Рассказ, в частности, об одной украинской семье, что называется, от земли, то есть из села, в котором ментальность и традиции — что законы божьи!..

ISBN 978-5-00-652209-1

© Радомский В.
© Издательские решения

Содержание

БОЖЕСТВЕННЫЙ ТАНЕЦ «ЭСМЕРАЛЬДЫ»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Божественный танец «Эсмеральды»

Валерий Радомский

© Валерий Радомский, 2025

ISBN 978-5-0065-2209-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БОЖЕСТВЕННЫЙ ТАНЕЦ «ЭСМЕРАЛЬДЫ»

То предельно откровенное на греховное и дьявольское в человеке лето не закончилась, по крайней мере для меня, и мой неугомонный ум по-прежнему пытается найти объяснение тогда случившемуся. А оправдывая человечье в человеке, когда властности и корыстолюбию противопоставляется ярость и злость, выдаёт этим закономерность их неминуемого сражения. И результат, который сам додумывается – одно из множества его объяснений, оттого я, сегодняшний, подобен несчастному в лабиринте, из которого тот выйти не может, хотя изо всех сил ума и тела пытается предугадать выход из него; в одночасье хочет забыть и обстоятельства, заведшие в несчастье, или хотя бы не дойти до него. А такое уже нереально!

...Месяцем ранее планы на свой юбилей – шестьдесят лет! – сжигали меня, если не сказать, что поджигали пятки, чтобы я готовился к нему с ранней весны. Я готовился увезти родных и близких мне людей на берег Днепра, где и отпраздновать именины ... мужа, отца и деда! Да «не так сталося, як гадалося». Родные и близкие, поздравив меня в день именин, так же сердечно извинились за то, что у них не получилось приехать – путь не близкий! По этой причине все были мной поняты, а к вечеру в моей голове зазвенело, чуть ли не полевыми жаворонками, давнее желание.

Желание, действительно, было давним, а когда ты ступаешь к тому же на прямую в неминуемую Вечность, оно торопит категоричностью того, что о высоте твоей свечи земного пути знает лишь Господь Бог, и можно не успеть осуществить желаемое. И поэтому в свой первый день на седьмом десятке лет я отправился, поездом, к двоюродному брату Николаю в Винницкую область, в село.

С братом мы были, вроде, одногодки, и в последний раз виделись ещё мальчишками. По сколько нам тогда было лет – не скажу, малые – это точно. Но однажды Николай сделал то, чего многие родственники, уверен, долгое время помнили. Да и мы с ним – тоже. И ведь позабавил, ах, как позабавил их, взрослых!

Покуда сёстры со своими мужьями (наши мамы были родными сёстрами) и односельчане-родственники, приглашённые к столу по случаю приезда младшей сестры из Донбасса, угощались тем, что обычно гостеприимство хозяйскими руками подаёт на длиннющий стол под чистой скатертью, мы с Николаем угощались тоже. В «коморе», куда он меня отвёл, как только все про нас забыли, на деревянном табурете нас вроде как ждал деревянный бочонок «вишняка». Вишнёвого вина то есть. Колька сказал, что оно сладкое, потому вкусное – я поверил брату с превеликим удовольствием и... Из того, что было после, помню себя в «баліі» (оцинкованное, чаще круглой формы, корыто, кто не знает), мама льёт на меня очень холодную воду, при этом ругает и извиняется перед «родиною» за своего маленького пьянчужку! А Николаю хоть бы хны от выпитого вина – знать, мол, ничего не знаю, хотя драпанул от своего «тата», быстро сообразившего, впрочем, как и «родина», чьего это ума проступок.

У села было интересное и легко запоминающееся название: «Бабы». В зависимости от перемещения акцентного ударения, оно считывалось как село одной женщины, как бы олицетворяющей «её» через утверждение в названии, или многих женщин. Об этом подумалось, когда я, сойдя с поезда, нанимал такси за симпатичным по цветовой гамме стен зданием железнодорожного вокзала «Вапнярка». Рыжий таксист не уточнил этого, хотя я и произнёс «Бабы» в двух вариантах. Объяснив стоимость доставки меня в село, он лишь остался явно довольным, что с ним даже не торговались.

Полчаса езды по тому, что бросало колёса автомобиля с гранитной брусчатки на разбитый до ухабин асфальт и снова на брусчатку вперемешку со щебнем из-под асфальта, всяко мешали моим приятным воспоминаниям о детстве в селе. Это время давало ощущение тепла

беззаботного лета, будоражило его запахами, но его было совсем мало как тогда, когда меня привозили на Виннитчину к бабушке и моим тётям, так и сейчас, когда я пытался ощущением ухватить мимолётность детского счастья.

У церкви с солнечным куполом и хмурого вида клуба я расплатился с таксистом. Пройти улицей в акациях, минут пять-семь, и по правую сторону – дом Николая. Во мне была уверенность, что это место я узнаю по забору, у которого томился по полдню оттого, что мой отец его возводил, а меня, пацана, обязывал смотреть, как и что нужно делать. И это в то время, когда Колька с соседскими мальчишками купались в звенящей радостью на всё село речушке. О, как я ненавидал отца за такое регулярное и томительное наставничество, да мой батя – земля ему пухом, и родителям брата тоже – учил меня ранней взрослости, а это – труд. И ведь пригодилось! Очень даже, и даже для не пустого хвастовства: когда делишься радостью, что ты умеешь и сможешь!..

Действительно, пройдя жаркой улицей, что называется, глазами и ногами, я узнал то самое место, где серыми стенами поджимал улицу дом Николая и сохранился забор из штакетника, сквозь который густо пророс кустарник, причём крупно ветвистый. Но главным ориентиром для меня был и остался колодец в начале огорода. Ко всему я застал ещё то время, когда на этом земельном участке украинского чернозёма стояла хата бабушки и деда Николая, уже отошедших в мир иной, да при мне эту хату под соломой разобрали; с той самой поры два слова-значения «стріха» и «саман», я смог бы объяснить, что оно такое, хоть разбуди меня посреди ночи.

Огорчившись поначалу, что брат долгое время не проживает в родительском доме, но жив-здоров и живёт неподалёку – узнал от вышедшего со двора напротив мужичка, что курил самосад (ядрёный такой!), на проникновенное из меня: «Хозяин!», я на радостях и сам закурил.

Мужик был голодный на общение и мы разговорились. Но не успели и докурить, как из дома, что розовел стенами за его спиной, вышла его «жінка» и от двери матерно облаяла своего «чоловіка». «Ага, дочекаешся елупеня!..» – этим закончила и вернулась в дом. «Чоловік» мгновенно внял, видимо, осторожному и адресированному разуму, оставив меня с открытым ртом, одного, у чужих ворот.

Я шёл селом к брату – это оставалось главным и в удовольствии. Похожие один на другой дома толкались впереди меня похожими дворами. За поворотами или за большими ветвистыми деревьями встречались и дома краше, и дворы для отдыха на воздухе. А воздух!.. Дышалось с ощущением пахнущего в тебе и из тебя лета, словно полевые цветы у лица.

Большие и просто огромные по простиранию огороды зеленели по обе стороны улицы, как поля немого, но зримого откровения о проделанной на них работе теми, кому они принадлежали. Иные из них продолжали кланяться земле-матушке и сейчас, в душный полдень: кто – над чубатыми тёмно-зелёной листвой бураками, кто в коротких струйках тени от листвы кукурузы в отличие от подсолнечника, рванувшегося вверх и золотившего даль.

А, вообще-то, село своими деревенскими фасадами и пейзажами не то что бы огорчило, но и глаз не порадовало. К тому же через два-три жилых дома – развалины или разваливались такие же, в основном одноэтажные помещения для проживания. Именно помещения, так как дома – это не украинские «хаты», если и не из глины слеплены, и соломой не перекрыты. Дома за заборами не прячут, хотя и то правда, что лучшим соседом был и остаётся всё же высокий и прочный забор. Да и чему удивляться? Дорогу из гранитного камня, вечную казалось бы, и ту угробили.

Дом жены брата и сам Николай отыскались быстро, а узнавал он меня – для этого понадобилось время. Оно понадобилось и мне, чтобы вместе кое-что вспомнить, спустя полвека. Пока я рассказывал эту историю, в результате которой я простоял на коленях с обеда до вечера в качестве наказания, Николай насторожено слушал и при этом растирал грубыми пальцами

небритый квадратный подбородок. И сам он был как квадрат: в плечах – поменьше, в росте – побольше (но не выше меня), одет по сути в тряпье, прикрывавшее широкую и седую грудь да ноги по бокам. На левой щеке – рваный шрам от укуса собаки (ух, достал он как-то своего дворового пса...) даже морщины его в себя не запрятали, а чёрные точки бугристых угрей просыпались на дряблосе лицо, будто веснушки, которых у него отродясь не было, но от чего я сам страдал долгое время, весной и осенью.

«...Нарвав в обе руки красных-красных яблок, пацан спрятался и затаился под ветвями, ожидая с крыши сарая, что вот-вот из дома выйдет его двоюродный брат, гостивший у него со своими родителями, – продолжал я свой рассказ-историю, покуривая и добродушно улыбаясь. – Двоюродный брат наконец-то вышел и тут же в него полетели эти красные и очень сладкие яблоки. Вот только одного не учёл пацан на крыше: его брат стерпит болевую атаку и, словив одно яблоко, запустит им в него. Пацан взвывает, а яблочко прилетит ему, и здорово так, в бок. На его жалобный зов: „Мамо, він поцілів у мене, ...ой, як болить!“, из дома выбегут родители, ну и... Долго колени-то мои болели!..» – под конец прокомментировал я своё незаслуженное наказание от отца.

Брови Николая резко взлетели кверху, бледный рот приоткрыла догадка в глубочайшем изумлении и короткий выдох будто бы без слов спросил о том, на что я незамедлительно ответил:

– Да, Коля, это я!..

Забор между нами не стал помехой, чтобы мы по-братски крепко и восторженно обнялись. Не знаю, желал ли брат этой встречи и этих долгих объятий (жизнь – это ещё и ожидание, как я понял), да я сам этого хотел и жизнь подтвердила мою правоту.

Эмоциональность речей, выданных нами один другому в интонациях общей радости и восторга, как бы вызвала из дома жену Николая. Появившаяся Мария была невысокого роста, сутулая в плечах и сгорбленная в спине. Когда она подходила к нам, бросилось в глаза, что её голова, в красной платке, опережает шаги. Наклонена то есть вперёд. И меня посетила шутовская ассоциация: «Колина кикимора!» Демонический женский образ навеяло как некое сходство, так и весёлость настроения. Правда, лицо Марии ничем не отталкивало, хотя ничем, ярко женственным, и не привлекло.

Погрузившийся в воспоминания детства, Николай полагал, что жене небезынтересно знать обо мне хотя бы то, что не забыл он сам. С этим и зашли в дом, но лишь только после того, как в нём иссякли воспоминания.

Живительная прохлада комнат, мягкость ковров под уставшими ногами, янтарный блеск мебели и прозрачность окон говорили об ухоженности во всём и на всём, что видели мои глаза. Сразу захотелось присесть на покрытый синим велюром диван и минуту-другую порадоваться тишине и покою. Но Николай почему-то столбил на пороге, а Мария, сама не присев и мне этого не предложив, вроде как убеждала меня в том, что ни тишины, ни покоя в доме не бывает: внуки подолгу у неё гостят, сыновья и невестки её регулярно проводят, а она так рада, так рада своим родным и гостям-соседям, что до полуночи у неё засиживаются.

– Та що ж це я?! – вдруг всполошилась она. – Мені ж вас хоча б молочком вранішнім напоїть, ...звиняйте, не чекали, не чекали. Несподівано все якось!

Я успокоил: слава Богу, дожил до такого возраста и положения, что сам себя могу и покормить, и напоить, и пролечить сам себя смогу, если хворь – не та, что укладывает в постель надолго. Мария после этих моих слов самодостаточного мужчины, задыхалась спокойствием и тут же обратилась к мужу, чтобы тот отвёл меня к себе, а я не сразу-то и понял, куда это «до себе»? Понял, когда с Николаем вышел на улицу, во двор, направляясь за ним к дому поменьше.

Домик был домом когда-то и по его ветхому и запущенному виду – очень и очень давно. Брат поспешил объяснить, что этот домишко они с Марией как-то и по случаю прикупили, с той поры он в нём и живёт.

– У Марії своя хата, у мене своя! – похвастался он при этом.

Хвастовство у брата получилось не искренним. И его нервное хихиканье о том, что он никому не мешает своим храпом, не убеждало, что именно храп укладывал супругов на ночь в разных местах.

Я зашёл в его дурно пахнущую обитель и сразу же вышел. То, что там увидел, требовало объяснений, но я приехал в гости и поэтому повёл себя как гость, неприхотливый и не привередливый. Николай, согласившись покурить на свежем воздухе, завёл меня за угол того, что изнутри соответствовало – это уж точно! – вонючему сараю или кладовой для бытовогохламья. За углом я во второй раз ужаснулся: брат, пошарив в кладке дров, выудил оттуда окурок сигареты, заглянул за угол, зажёл «бычок» от огня моей зажигалки, жадно затянулся и тут же глазами – за угол снова. Ясно было, что от кого-то прятался. Сам же и ответил – от кого, напорвшись на мой недоуменный взгляд:

– Марія, коли курю, лається!

«В шестьдесят-то лет?!» – настороженное и тяжёлое недоумение царапнуло в горле, но не открыло мне, незваному гостю, рот. Тем не менее, рука сама достала из вещевой сумки бутылку водки «Козацька». Вопрос «А как быть с этим?!» брат, наверное, считал с моего лица как киношные титры и уже его руки засуетились в радости и беспокойстве одновременно. Подумалось, что Николай, видно, так и не перерос в себе пацана, что курит и боится, что заругают взрослые – окурок сигареты он по-прежнему прятал под ладонью, выдыхая из себя дым осторожными порциями. Было забавно наблюдать за ним таким, но смешного в этом я не усматривал. Наоборот, его нелепые ужимки, в поседевшем взрослом, тяготили его самого.

Снова зашли в дом. Узенькая дорожка по земляному полу подвела нас к кровати у стены, слева, и упёрлась в стол под окном, а справа, тоже у стены, была ещё одна кровать. Я с трудом представлял себя, лежащим на ней, и разочарованно вздыхал. Последний раз здесь мели веником, снимали гардину, чтобы её простирать, протирали примитивный, из досок, стол во времена прежних хозяев. Зато, когда их не стало и домик продан, Николай с Марией по-хозяйски сносили сюда то, что и выбросить жалко, и представляло собой пусть и копеечную, да всё же стоимость. И всего этого они натаскали чуть ли не под самый потолок, прочерченный тремя толстенными деревянными балками в почерневшей паутине.

Смущённый я ещё крутил по сторонам головой, не решаясь на какие-либо действия подселения, как ко мне просунулась Мария, на чём свет ругая Николая. Она, не видя, куда бы положить чистое постельное, что принесла, сунула его мне в руки, при этом локтем зацепила мою вещевую сумку, а я её так и не снял с плеча, и словно экстрасенс словесно набросилась на мужа: мол, только посмей выпить – «... Уб'ю!»

Развалившись на своей койке, Николай блаженно посмеивался, пока его жена, жарко дыша и нервно поправляя платок на голове, перестилала мне постель. Как только она, скрюченная ещё и настроением, ушла с тряпьем подмышкой, он тут же вскочил на ноги. Всем своим видом, одержимого желанием и решительностью, он «скаженными» глазами затребовал, чтобы я отдал ему бутылку водки, а заполучив её от меня, лихо скрутил на ней колпачок и влил в себя ровно столько, сколько отмерял на бутылке безымянный палец. Я и глазом не успел моргнуть – «половини „Козацької“ як і не було у пляшці!»

Колбасу «Краковская», колечко в моих руках, он лишь понюхал, блаженно, опять же, хлопая тем, что осталось от ресниц, и засовывая руку под стол. Как оказалось, за очередным окурком сигареты. Курил, как и за углом, пряча «бычок» под широкой ладонью, пугливо разгоняя табачный дым и удерживая под прицелом суетливого взгляда окно. Вскоре ушёл.

До позднего вечера – уже видны были большие звёзды – я, усевшись под домиком, ждал компании брата. До этого времени он не покидал двор, но видел я его лишь тогда, когда он появлялся, откуда-то выйдя, взъерошенный и распаренный повседневными трудами. И снова надолго исчезал в хозяйственных постройках, заменяя себя или механическими звуками чего-то функционирующего от электричества, или от сжигания бензина, или с огорода прилетало его хрипящее негодование чем-то.

На меня у Николая не было времени – это пришлось признать, а в его положение войти, оттого мне и не по наитию вспомнился эпизод из моих армейских будней. Ещё и потому, что из дома напротив, в окно, больше за Николаем, чем за мной, наблюдала Мария.

...Мэрия немецкого городка, в котором дислоцировался наш танковый полк, как-то решила оказать нам дружескую помощь: возвести новый солдатский клуб. Когда начались отделочные работы внутри строительной «коробки» уже под оцинкованной крышей, на вспомогательные работы погнали и нас, солдатню. Я помогал Эрику, перебравшемуся в ГДР на постоянное место жительства из Югославии.

Ему было лет тридцать, не больше, чернявый и терпеливо молчаливый. Но вывело меня из себя не его молчание даже, а монотонное однообразие его действий: помпой набросает на стену раствор, а потом трёт и трёт «мастерком» это место. Полчаса – трёт, час прошёл – всё ещё трёт! Я ему по-немецки, что помнил со школы, а больше глазами и на пальцах говорю, как бы: «Ты что, ...немой?» Он подождал, куда небритый «мастер» отошёл от него подальше, и на хорошем русском мне отвечает: «Мастер увидит, что я с тобой разговариваю и этим отвлекаюсь от работы, оштрафует, а штраф вычтет из мной заработанного сегодня!»

После услышанного я к Эрику больше не заговаривал – не по-доброму косился на небритого «мастера». Он тоже был не разговорчивым, но его взгляд и брови говорили за него, когда он к кому-либо из штукатуров подходил.

...Несколько раз Мария, выйдя из своего дома, подходила к Николаю. И каждый раз оба очень громко и нелюбезно друг другу высказывали с остервенелой ненавистью. Вот только кто из них был «мастером» – это мне ещё предстояло узнать.

Прошла неделя. О брате Николае и его гражданской, оказывается, жене Марии я узнал за это время так много, что цветочные красоты и бытовое убожество их подворья мой ум и писательское воображение преобразовали в театральную сцену, на которой натурально игралась обыденная жизнь взрослой сельской пары. Причём каждый с эмоциональным и физическим усердием утверждали собой то, чем «бабычи» жили в годах и веках, полагая, что именно так и нужно жить. А их собственный опыт и эмоциональные диалоги, в основном в матерных криках и в сварливой неуступчивости, звучали как бы под диктовку суфлёрных подсказок личных обид и неприязни друг к другу за годы сожительства. При этом жгучая зависть на чью-то радость и успех сквозили из-под каждой калитки и забора, а пыльными дорогами села бродила такая же нездоровая жизнь, какую я наблюдал на подворье Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.